

Кровь лилась из рассечённой брови Хильд, её разбитая кисть неестественно выгибалась назад, но на лице девушки была такая счастливая улыбка до ушей. Выглядело достаточно безумно.

— А-а-а-а, как будто в академию вернулась! — Хильд вскочила на ноги и обняла меня за плечи, да так, что я чуть не повалился на землю. Пришлось отступить на пару шагов. — Здорово ты меня поймал! Игор! ИГОР!!!

— Здеся я.

— Мне нужны новые мечи! И не берёзовые, а нормальные, тисовые или дубовые! — Хильд стиснула меня в объятьях напоследок и запрыгала от счастья, как маленькая девочка. — Завтра повторим!

— Сделаем, хозяйка.

— Хи-и-и-и-ильд! — из-за угла дома выбежала Марта, путаясь в своём балахоне. Её короткие серые волосы растрепались и закрывали глаза.

Она подбежала к прыгающей Хильд и схватила за руку.

— Болит? Пошевели пальцами! Согни. Разогни. До конца разогни! Да перестань ты прыгать уже!

Хильд подхватила девочку на руки и закружилась по двору.

— Отпусти меня немедленно, дура паладинская! У тебя три пальца сломаны, и такими и останутся, если не успокоишься! Отпусти, говорю! Не смей меня нести к воде! Проклянун!

Мой живот решил вмешаться в происходящий цирк гулким урчанием. Игор поманил меня к себе.

— Пойдём-ка поснедаем, Александер. Оставь их, пущай веселятся.

Он поковылял к неприметной двери в стене основного здания, я последовал за ним. Зайдя в дом, мы оказались в просторной кухне с большой каменной печью. Игор посадил меня за стол в уголок, достал из печи тёплый хлеб, налил в кружку молоко из высокого глиняного кувшина.

— Ты ешь, не стесняйся, Александер. Еды-то у нас вдосталь.

Упрашивать меня не было необходимости. После бани и интенсивных, пусть и недолгих, упражнений с мечом свежий хлеб с парным молоком показались мне пищей богов.

Пока я уплетал нехитрый завтрак, Игор собрал на большом металлическом подносе набор для чаепития: фарфоровый чайник, широкие блюдца с расписными чашками, тарелку с печеньем, и керамическую банку с нарисованной на коричневом боку пчелой.

— Ты сегодня без Глинды управляешься?

— Агась, — Игор посмотрел на меня, — она нонче погорельцам помогает. Доел уже? Ты себе молока налей да хлеба отрежь сколько надо.

— Спасибо, — я долил в кружку молока. — Значит вы тут вчетвером живёте? Хильд и Марта хозяйки, а вы с Глиндой прислуга?

— Не, хозяйка одна. Марта здесь просто живёт. Ну а мы с Глин подсобляем хозяйке как умеем.

— Вчера за воротами кричали «ура хозяйке света». Это про Хильд?

— Агась. Она ж здесь одна от Ордена, да благословит его Свет и очистит. Ихний паладин. Хозяйка света — это, значит, должность еёняя.

— А что за Орден такой?

Игор посмотрел на меня недоумённо.

— Ты из какой дыры вылез, что про Орден Света не знаешь? Орден — это Орден, без Ордена и света нет. Мы живём под его властью, как и все по эту сторону Гряды. Однако ж до таких глухих мест, как наша Тихань паладины, да благословит их Свет и очистит, нечасто добираются. Это повезло, что хозяйку сюда послали. Иначе упыри всех бы тут поубивали.

Куда делся его деревенский говор?

— Упыри? Это те ребята, от которых мы сбежали вчера?

— Ты издеваешься, что ли надо мной? Упыри и есть, бледные и на людей охотятся, — одноногий нахохлился, — Коли доел и языком треплешь, так слазий в погреб за маслом.

— Что такое масло? Как оно выглядит? — не удержался я от шутки. Но видя как покраснело лицо Игор, замахал руками. — Ладно, ладно, куда лезть?

Игор открыл квадратный люк в полу возле печи.

Под кухней оказался ещё один этаж. Глубокий, тёмный лабиринт из каменных столбов и стеллажей, заполненных продуктами. От запаха пыли в носу засвербило, и я чихнул, чуть не погасив свечу в руке. В её тусклом свете я с трудом нашёл полку, на которой стоял керамический горшочек с маслом. Подхватив его, я поспешил к выходу: в погребе было совсем не жарко. Особенно если учесть, что штаны мне так и не выдали, и я до сих пор ходил в длинной рубахе до колен.

Выбравшись на кухню по крутой лестнице, я отдал масло и подсвечник Игору. И только хотел снова поспрашивать его о том, куда я попал (не сплю же я, в самом деле?), как на кухню ворвалась Хильд. Обе руки уже целые, даже синяков не видно. Только косы в крови и вся одежда.

— Александр! Ты уже поел? Давай повторим!

Она без церемоний схватила меня за руку и потащила к выходу. Однако нам пришлось остановиться: в дверном проёме, расставив руки и ноги, встала Марта.

— Я запрещаю!

Хильд выпустила мою руку и присела перед девочкой.

— Марта, солнышко, мы осторожненько.

— Запрещаю!

Из-за плеча Хильд я видел, как лицо девочки куксится. Вот-вот, и она...

— Только не реви!

...заплачет. Марта заревела так пронзительно, как умеют только маленькие девочки. Она вздрагивала всем телом, размазывая слёзы по лицу кулаками.

— Хорошо. Сегодня больше никаких поединков. Только успокойся.

Хильд обняла плачущую девочку и прижала к себе. Марта тут же затихла. Она выглянула из-за плеча Хильд и показала мне язык.

Как будто я хотел какие-то поединки устраивать. Тоже мне, нашла виноватого.

А ведь интересно получается: вчера нескольких человек угробил, и хоть бы что. А сегодня всего-то палец сломал Хильде, и тут же чуть инфаркт не заработал. От страха? Или...

— Когда изволите чаёвничать, хозяйка? — Игор невозмутимо продолжил собирать на поднос вкусы.

— Разводи самовар, мы переоденемся и начнём. Александр, ты тоже присоединяйся.

Хильд унесла Марту с кухни, а я наконец-то смог обратиться к Игору с просьбой:

— Мне тоже надо переодеться. Хотя бы штаны натянуть.

Спустя полчаса я сидел на огромном балконе второго этажа с видом на церковь. Компанию за лакированным круглым столиком мне составили Хильд и Марта. Хильд нарядилась в светло-синюю, выгоревшую на солнце рубаху, небрежно зашнурованную по вороту, и длинную полосатую юбку из шерсти. Волосы она заплела в две косы, перевязанные синими лентами. Марта же как будто и вовсе не меняла одежду — всё так же щеголяла в бесформенном сером балахоне. Разве что голову её теперь украшала соломенная шляпка с красным бантиком.

Мне же Игор вернул постиранную и починенную одежду из убежища. Я до сих пор чувствовал слабый запах гари, которым пропиталась ткань. И на левом рукаве темнело плохо отстиравшееся пятно от крови. Ботинки надевать не стал — мозоли на ногах не зажили. Единственным новым элементом одежды стал тёмно-красный платок, которым одноногий повязал мне лысую голову.

— Ну что, Александр, может расскажешь о себе? — Хильд залпом выпила содержимое своей чашки, закинула в рот печеньку. — Кто ты такой, как попал к упырям, почему решил спасти наших девчонок?

Скрывать мне, вообще-то, было нечего. И я рассказал всё как есть. Хильд внимательно слушала мою историю, забыв даже о еде. А вот Марта вообще на меня не смотрела, и, казалось, не слышала, занятая манипуляциями с печеньем, мёдом, вареньем и чаем.

— Значит ты умер в своём мире, появился в чужом теле в логове упырей, где тебя приняли за пробудившегося предка, в одиночку победил всех и вытащил девчонок, а еще тебе это всё просто снится. Марта, что скажешь?

— Что тут сказать, — отозвалась Марта, отставив чашку. — Он нас обманывает. Не спятивший перерождённый в его возрасте? Глупости какие. Ты сама прекрасно знаешь, что с такими случается. Возьми хотя бы Зигфрида. Был нормальным пацаном, а превратился тьма пойми в кого.

— А можно узнать, кто такие эти ваши перерождённые? — после долгого рассказа в горле пересохло. Я отпил немного напитка (на чай он походил только цветом, вкус оказался горько-травянистым), потянулся за печенькой.

— Если верить жрецам Света, во тьме скитаются души мёртвых, — Марта придвинула тарелку с печеньем к себе, не давая мне дотянуться. — Из тьмы они приходят, во тьму зовут потомков своих. Сулят дары, но дары те отравлены, и яд греха убивает поправшего смерть...

— Да расскажи ты нормально, Марта, — Хильд зевнула. — Не на проповеди в Латоке.

— Короче, если не повезёт, однажды ты услышишь тихий голос вот тут, — Марта постучала по виску, — он будет добрым и ласковым, обещать всё что захочешь. Но как только ты согласишься поделиться своим телом, тебе конец. Двоим нет места в одной голове. Спятишь, короче. Чем древнее мертвец забредёт в твою голову — тем быстрее слетишь с катушек. Только слабые умом и и маленькие дети могут отдать своё тело добровольно. Хотя находятся безумцы, которые сами зовут мертвецов.

— Зачем?

— Мало ли у людей причин покончить с собой, заодно отомстив обидчикам? Та сторона дарит силу. Впустишь предка в себя — станешь сильнее. Быстрее. Умнее. Научишься летать. Превращать тело в камень. Изрыгать огонь.

— Лечить наложением рук, — добавил я, глядя девочке в глаза.

— Лечить наложением рук, — согласилась Марта.

— Получается, ты тоже перерождённая?

— Дальше рассказывать, или ты и так всё знаешь?

Я закрыл рот ладонями, показывая что готов слушать дальше.

Она наставила на меня палец.

— Судя по рассказу Глинды, по тому, какой силой обладаешь, ты очень, очень далёкий предок. И пробыл во тьме не одно столетие. Может быть, ты вытащил счастливый билет, и переродился в теле перерождённого, украв его навыки и умения. Может быть, тот механизм, который ты описывал, этому способствовал. В таком случае непонятно, куда делась предыдущая душа этого тела. По орденским канонам, душу соблазнённого пожирает хищная пустота, но все знают, что до конца ничего не исчезает. Абсолютного ничего нет, кроме смерти и сумасшествия.

— Не кощунствуй, — Хильд легонько пнула Марту.

Марта скорчила кислую гримасу и ответила:

— Ага, знаю-знаю, свет абсолютен, святость Ордена абсолютна, пять добродетелей абсолютны. Довольна? Закончили с нудятиной, да благословит её Свет и смоет ко всем кракенам? Лучше пусть Александер ответит, есть ли у него в черепушке чужое присутствие.

Я прислушался к ощущениям. Вроде бы никого постороннего в себе я не чувствовал, так что просто пожал плечами.

— Вообще ни с чем ни сходится. Однако есть ещё одно объяснение, — Марта забралась на высокий стул с ногами. — Ты нас обманываешь! На самом деле ты прекрасно знаешь, кто такие перерождённые, потому что провёл в этом теле много лет. И ты заодно с упырями! Хильд, они разыграли спектакль с похищением и спасением, чтобы он мог втереться нам в доверие, а потом пленить нас всех, пока мы спим!

Валькирия фыркнула, подавившись чаем.

— То есть я убил нескольких своих, спас похищенных и спалил целый лес только ради того, чтобы снова похитить кого-то? — поинтересовался я.

— Вот! Вот видишь! — Марта торжественно подняла указательный палец. — Усыпляет наше внимание, а ночью прибегут упыри и схватят нас! Теперь всё сходится!

Хильд рассмеялась и принялась щекотать Марту, громко и пронзительно требующей перестать. А я, пользуясь паузой, окинул взглядом вид, открывающийся с балкона.

Большую часть пейзажа занимала церковь, сияющая белизной в свете полуденного солнца. Ярко-синее небо, расчерченное тонкими белыми полосками серебристых облаков, в сочетании с прохладой воздуха и редкими порывами ветра действовали на меня умиротворяюще. Дополняли картину светло-серые соломенные крыши плотно облепивших площадь домов, чёрно-зелёная мозаика полей вокруг, да полоска воды далеко за церковью. Лес, окружавший Тихань со всех сторон, отсюда казался тонкой разноцветной ленточкой, отделяющей поля от синевы неба.

— Хи-ильд!

Я выглянул с балкона. Внизу, во дворе, стояла Глинда, в том же тёмно-синем платье с белым фартуком.

— Добрый день, Александер! — она помахала мне рукой, улыбнувшись. — Позови, пожалуйста, Хильд.

— Да здесь я, — валькирия оставила Марту в покое и тоже выглянула за ограждение балкона, — что случилось?

— Дядька Марк просил тебя позвать. Сгоревшее подворье расчистили, он ждёт приказов.

Хильд вздохнула.

— Ладно, сейчас выйду. Марта, идёшь?

Девочка скрестила руки на груди и отвернулась:

— Твоя деревня, ты и разбирайся.

— Как хочешь. Оставляю тогда Александра под твой присмотр.

— Нет уж! И его с собой заberi!

Хильд снова засмеялась.

— Пойдём, герой. Заодно покажу тебе мои владения.

...

Сначала Хильд привела нас к церкви.

— Подожди внизу, Глинда, — приказала она рыжеволосой, — мы быстро.

Внутри церковь оказалась ещё меньше чем снаружи — маленький квадрат каменного пола был пустым, только в центре торчал ржавый шест, поднимающийся до самой крыши. Ни икон, ни барельефов, только простенькие пятиугольные узоры. Вдоль стен закручивалась спиралью деревянная лестница, по которой мы поднялись до смотровой площадки.

— Осторожнее, тут местами доски подгнили, — предупредила меня валькирия, когда мы оказались на узком балкончике рядом со шпилем.

Она пропустила меня вперёд, и я смог рассмотреть Тихань с высоты примерно пятого этажа.

Первое, что мне бросилось в глаза — чёрное пятно пожарища на краю села. Видимо, про него говорила Глинда. Отсюда я разглядел собравшихся там людей в серых одеждах, занятых работой.

Потом увидел большое озеро, скрытое раньше зданием церкви. По краю озера шла дуга земляной дамбы с дорогой поверх. Улица, ведущая к дамбе, была застроена большими зданиями, не похожими на остальные подворья. То ли склады, то ли казармы. У самой воды неподвижно маячило колесо водяной мельницы.

Широкая полоса полей, разноцветный лес до горизонта. И горная гряда вдалеке. Затянутая дымкой, с шапками облаков над заснеженными вершинами.

— Ну как тебе Тихань? — Хильд не вышла на площадку, высматривая что-то одной ей интересное из тени под крышей.

— Красиво, — ответил я, задирая голову. Шар, венчающий ржавый шест, оказался довольно большим, с баскетбольный мяч. И его ржавчина не тронула. Неужели вся эта церковь — только большой громоотвод и наблюдательная вышка?

Валькирия хмыкнула и стала спускаться.

Когда мы спустились, я подошёл к шесту и протянул было руку, чтобы его коснуться. Но резкий окрик сзади заставил меня отдернуть пальцы.

— Не трогай!

Хильд схватила меня за плечо и вытащила из церкви на свежий воздух. Табу какое-то? Могла бы и раньше сказать.

Мы свернули на улицу, ведущую к сгоревшему дому. Глинда топала впереди, её рыжие косички, выглядывающие из-под белого платка, прыгали в такт шагам. Хильд плавно ступала рядом со мной.

— Прости за неожиданный вопрос, — я решил разбавить неловкое молчание. — Марта твоя дочь?

Идущая впереди Глинда споткнулась на ровном месте, ойкнула, и тут же зажала рот руками. Хильд же просто рассмеялась.

— О, как ты быстро раскрыл мою страшную тайну! Незаконнорожденная дочь паладина и её одноногого слуги, отравленный плод запретной любви!

— Серьёзно? Ты и Игор...

— Нет-нет-нет! — покрасневшая Глинда обернулась к нам и замахала руками. — Не слушай хозяйку! Марта её племянница. И сестра.

— Это как?

— Ты же слышал о перерождении. Это оно и есть, — сказала Хильд. — Моя семья погибла, когда на наше поместье напали, выжила только племянница. А потом оказалось, что это сестра.

— То есть она убила собственную дочь, чтобы продолжить дальше жить?

Глинда снова закрыла рот руками и припустила по улице подальше от нас. Хильд привычно хмыкнула. Но отвечать не стала.

— Извини, это, наверное, не моё дело.

— Так и есть.

Впереди показалась прореха в тесном ряду домов. Чёрное пятно, грязной кляксой размазанное по земле. Запах гари, незаметно усиливавшийся пока мы шли по улице, шибанул в нос.

Обугленный забор, валяющийся на земле. Разбросанные по бывшему двору куски глины, бывшие когда-то стенами хижин. Какие-то тряпки, обгоревшие деревяшки, чёрный от копоти уцелевший сарай у дальнего забора. Даже соседним подворьям досталось — у дома рядом сгорела половина соломы на крыше, а ворота через дорогу почернели. Вблизи картина оказалась куда непригляднее, чем с высоты. По пепелищу бродили люди, собирающие горелый мусор в большие плетёные корзины.

— Что здесь случилось?

— Упыри, вот что случилось, — Хильд остановилась на границе выжженной земли. — Подожгли дом, чтобы отвлечь от погони. Так и в прошлых набегах было.

— Хозяйка! — к нам подбежал тот самый мужичок, который вчера вечером спрашивал о погорельцах. — Что прикажете делать? Будем здесь новый дом строить, али как?

— Управитесь до праздника? — Хильд ткнула пальцем в последствия пожара. — Леших я вам не дам.

— Так-то управимся, — закивал мужичок, — но помощь бы не помешала, конечно.

Он боязливо покосился в мою сторону. Хильд тоже посмотрела на меня, засмеялась и хлопнула меня по плечу.

— Что скажешь, герой? Поможешь, или не твоё дело брёвна таскать?

— Я строить дома не умею, сразу говорю, — предупредил я.

— Вот заодно и научишься, — валькирия не скрывала улыбки. — Просто делай, что Марк тебе

говорит, и всё будет хорошо. Как закончите — возвращайся ко мне. До вечера!

И она ушла, оставив меня в компании местных жителей.

До заката я таскал корзины с мусором, выдираю из земли остатки столбов, копал ямы, носил сухие брёвна со склада за церковью. И всё это под постоянные команды Марка, моментально преобразившегося из робкого мужика в злобного прораба, как только Хильд скрылась из вида. У меня кулаки чесались набить ему лицо каждый раз когда он орал на меня, подгоняя. Останавливало только то, что времени не было на мордобой, да и сам прораб работал не меньше.

Глинда, которая ушла вместе с Хильд, в скором времени вернулась с корзинкой, и в компании женщин и детей с такими же лукошками.

— Обед! — скомандовал Марк, когда к нему подбежали двое пятилеток-близнецов, неуловимо похожих на него.

Местные тут же устроились тесной компанией на брёвнах, стуча ложками, гомоня и обсуждая непонятные мне темы и события. Я же уселся на вывернутый из земли обгорелый столб.

— Держи, — Глинда вручила мне большой глиняный горшок и деревянную ложку. — здесь каша с маслом, в кувшине вода, а ещё есть хлеб и половинка луковицы. Кушай на здоровье.

— Спасибо, — я взялся за ложку. Хотя со времени завтрака прошло немного времени, организм от еды не отказывался. — У тебя всё хорошо? Столько вчера пережила, а сегодня, смотрю, не покладая рук работаешь.

— Конечно я в порядке! — её веснушчатое лицо почему-то покраснело. — Не переживай за меня, Александер.

— А как Роза и... другая? Я их сегодня не видел.

— Эйрин? Они по домам отлёживаются. Заболели.

— Вот как, — прожевал кусок хлеба и закинул в рот дольку лука. Вкусно, чёрт возьми! Ещё бы соли немного.

— Глинда, а как так получилось, что тебя схватили ночью на улице? Что ты там делала так поздно?

Этот вопрос заставил покраснеть девушку ещё сильнее. Она промямлила что-то неразборчиво и, выхватив у меня из рук пустую посуду, убежала.

...

Надо отдать должное новому телу — для физической работы оно подходило гораздо лучше того, что было у меня раньше. Я в одиночку таскал здоровенные брёвна, которые раньше и поднять бы не смог. Огрызки столбов выдираю из земли как морковку из грядки, тогда как местные втроём возились по пять минут. Однако к тому времени, как солнце коснулось верхушек деревьев дальнего леса, изрядно выдохся. К тому же весь пропотел, перемазался в саже и смоле. Да ещё шея, нос и уши, не закрытые платком, сгорели на солнце.

— Кончай работу! — скомандовал Марк с каркаса дома, который мы успели построить. —

Завтра продолжим!

Местные с довольным гулом начали расходиться по домам, а ко мне подошла девочка.

— Воды? — робко спросила она, протягивая мне кувшин.

— Спасибо! — вода здесь была удивительно вкусной, даже сладкой. Так и пил бы её всю жизнь.

— Александер! — к нам подошёл Марк, протянул чёрную от копоти руку. — Благодарствую за помощь, без тебя бы сегодня столько не сделали. Передай хозяйке мою глубокую благодарность, да благословит её Свет.

— Передам, куда я денусь, — я пожал протянутую руку, посмотрел на результаты труда и понял, что совсем не сержусь на Марка и его диктаторские замашки.

За то недолгое время, что я шёл к усадьбе валькирии, успело окончательно стемнеть. У одного из домов я внезапно услышал, как женский голос напевает мелодию, смутно знакомую. Остановившись у окна, прислушался и понял: это же колыбельная.

Чёрный снег кружится,

Плавит землю лёд,

Кто не похоронен,

Упырём встаёт.

Без упокоенья

Мёртвый не лежит,

Ходит серой пылью,

В двери к нам стучит.

Это что, здесь так детей убаюкивают? «Придёт серенький волчок»? Похоже, конечно, но что-то здесь есть неправильное.

Некому упыря

Было хоронить,

Госпиталь-могила

Трупами набит.

Что? Госпиталь и трупы в детской колыбельной? Мне ведь это не кажется? Что я не сплю, уже ясно, во сне не устают от таскания брёвен. Нет, мне это не кажется.

Кости его ветром

Унесло на свет,

И в норе железной

Выпал чёрный снег.

Забивай все щели,

Воду процеди,

Убивают тихо

Злые упыри.

С большим трудом я подавил желание постучать в окно. Надо будет много вопросов задать Хильд и Марте... завтра, конечно. А сейчас — помыться и спать...

<http://tl.rulate.ru/book/96445/3299214>